

Елена ГРИБКОВА

Эскиз I.

Абстрактно-художественный

— Я знаю, что ваш отец художник. Какое отношение к живописи было у вас и как оно менялось?

— Я лентяй, и если, к примеру, был бы художником, то не написал бы ни одной картины. Все бы думал: завтра начну. Сегодня так, вот мольбертик поставлю и полежу немного, книжку интересную почитаю... Надо мной же никто с плетью не стоит — я вольный художник. Потом, когда проголодался, нарисовал бы что-нибудь — приобретайте. Ежели бы никто не купил — мучился. А вот в рамках своей профессии — совсем другое дело. Я же не могу позволить себе опоздать или, упаси Господь, не прийти на спектакль. Такого просто не может быть никогда. Для меня это даже не ЧП, а нечто большее.

— А какие все-таки направления в разное время привлекали?

— Допустим, когда я был в Лувре, меня потряс Роден. Столько экспрессии! Венера Милосская... Я на нее смотрел, и где-то в голове понимал, что хоть и стоит она без рук, это гармония, идеальные пропорции, но вот ответа в душе не было никакого. Потом Джоконда. Народ около нее толпился, я тоже подошел и вспомнил, что там есть загадка: куда бы ты ни отошел, в какой угодно угол, — она везде будет на тебя смотреть. Я стал проверять, отходить в разные концы зала. И точно: здесь встал — смотрит, туда отошел — смотрит. И я на нее смотрю. А потом, я уже не помню, в какой момент я потерял ощущение времени — заворожила. Как это может быть? Почему? Что это за магия холста? А Кунджи?! Такое впечатление, что его картины светятся изнутри, как будто сзади лампочку приставили.

— Любимые художники имеются?

— Меня многие вещи в живописи радуют, и я не хочу закликиваться на чем-то одном. Я сложно открывал для себя экспрессионистов. Потом постепенно стал сознавать чувственность, цвет композиции. Малевич для меня труден. Долго не понимал Пикассо, Дали. Последний рисовал свою единственную жену Галу. Вот она сидит спиной, абсолютно реалистичная, но какая это спина!

— Сами рисовать пытались?

— Одно время у меня был страшный зуд на это дело. Мама даже все мои художества собирала в отдельный чемодан. Я когда учился, на лекциях больше рисовал, чем записывал. Разные портреты, карикатуры, шаржи на всех однокурсников и педагогов. И когда в театр пришел, коллега стал рисовать. Но потом все как-то само ушло. Об этой моей страсти столетней давности одна дама, которая хотела писать про меня книгу, прознала и предложила данное произведение иллюстрировать моими же рисунками. Но я тогда совершенно четко понял, что даже если сейчас и попробую, у меня уже нет того азарта.

— А если уйти от живописи к литературе, какими книгами увлекались в детстве и на какого героя, возможно, стремились походить?

— В детстве любил сказки. Но быть похожим ни на кого не хотел. Да и на кого? На Конька-Горбунка, что ли? Или на Ивана Царевича? Или на Емелю, который ничего не делает, а ему все само валится? Все-таки более близки мне были персонажи уже юношеской литературы — Джека Лондона, Вальтера Скотта.

— А кто, на ваш взгляд, лучше всего писал о любви?

— Трудно сказать, все писали, даже Марк Твен. А «Война и мир» Льва Толстого?! Что там за отношения между мужчиной и женщиной!

Николай КАРАЧЕНЦОВ: «Многие женщины мне доверяли свои тайны»

Он очень устает. Это видно сразу, при самой первой встрече. Давно существуя в режиме нон-стопа, он называет себя обычным работягой. А этим людям, как правило, свойственно постоянство. Вот и Караченцов такой. Одинаковая жена, один любимый театр, преданные друзья детства — и так буквально во всем. Его верность чему-то одному выдают даже детали. Например, он всю жизнь курит «Приму»...

Николай Караченцов и Людмила Поргина на свадьбе единственного сына Андрея и Ирины.

Эскиз II. Классическо-семейный

— В “Собаке на сене” ваш персонаж маркиз Рикардо замечательно пел: “Венец творенья, дивная Диана, в которой нет ни одного изъяна...” А для вас существуют какие-либо непростительные женские недостатки?

— У женщин не бывает недостатков, есть слабости. Да мне все нравится, что женщина делает. Просто скажи! Почаще бы только! (Смеется.)

— В той же ленте ваш маркиз безответно влюблен. С вами такое случалось?

— Не знаю. Чего вы вопросы всякие похабные задаете?

— Ну почему же — жизненные вопросы.

— Может, лет в 12, откуда ж я знаю?! Не помню! Ну, настырная какая! Да, давно это было, дочка.

— Ну, хорошо, а какой тогда тип женщин вас привлекает?

— Я так не делю. Этого не может быть, это же не яблоки, не помидоры.

— Я как-то читала, как ваша жена, актриса Людмила Поргина, описывала свою реакцию, когда впервые увидела вас на сцене “Ленкома”. Она говорила, что подумала тогда: “Если этот человек не станет моим мужем, не имеет смысла жить”. Интересно, а что при первом знакомстве подумали вы?

— Очень красивая женщина. Она была новенькая, а когда к нам приходят свежие кадры, их обычно представляют труппе, вручают цветы, удостоверение сотрудника “Ленкома”. Все было так и в тот раз. И, полагаю, не я один обратил внимание, что в театр пришла очень красивая женщина!

— Как вы ухаживали?

— Секрет. Не ваше дело.

— Вы много лет вместе, поделитесь рецептом счастливого брака от Караченцова.

— Надо учитывать, что у всех все индивидуально. А то, что я скажу, прозвучит банально — прощать, терпеть, привлекать, открывать в человеке то, чего до этого не видел, и пытаться оборачивать в положительную сторону.

— А есть ли, по-вашему, такие вещи, которые прощать нельзя?

— Безусловно. Это относится, правда, не только к браку, а к жизни вообще. Нельзя прощать предательство.

— Никто не посмеет спорить с тем, что вы и на экране, и на сцене, и в жизни стопроцентный мужчина. А какие, вам кажется, качества должны отличать настоящего мужчину?

— Целеустремленность, цельность. Но к чему эти качества делить на разнополость? Ну, в мужчине, наверное, честность. Еще лучше — благородство, но к нему уже тянуться надо. Хотелось бы, да не получается.

— Какие привычки в вашей жизни наиболее живучи?

— Из дурных — курить, а остальное привычками назвать трудно. Привычка работать, любить театр, близких людей, Родину.

— У вас же сильная воля, почему не бросите курить?

— А я не хочу. Заставлю себя — брошу.

— Я так понимаю, что домашними делами вы не занимаетесь?

— Только в критических ситуациях.

— А готовить любите?

— Еще чего! Я люблю это есть! У меня жена очень вкусно готовит, обожаю ее супы. А вообще в еде я довольно неприхотлив. Но интерес к готовке где-то внутри сидит, и иногда, когда я где-то что-то попробую и мне понравится, даже рецепт запи-

сываю и пытаюсь дома его реализовать. Но вот пока почему-то ничего не получалось...

— Как вы отдыхаете?

— За последние 13 лет я отдыхал один раз, и отпуск мой составлял 10 суток. И поэтому лучшим своим отдыхом я считаю теннис. Это настоящая отдушина.

— Ваш сын Андрей поддерживает вас в вашем увлечении?

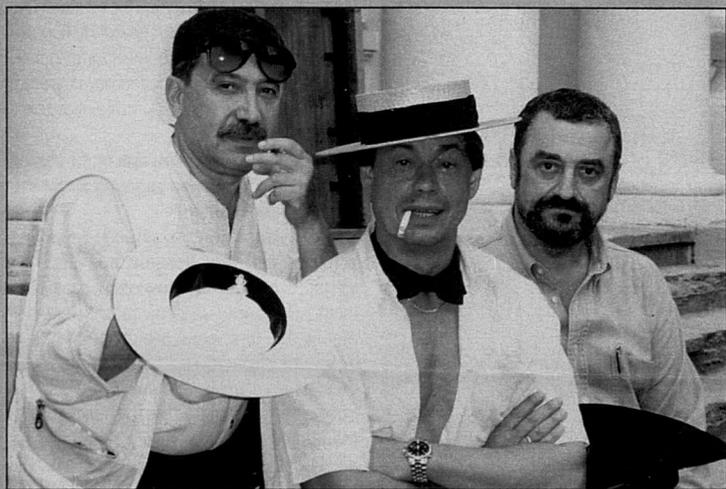
— Да, но он гораздо лучше играет, потому что занимался серьезно несколько лет этим видом спорта и у него база профессиональная.

— Вы, наверное, всегда были строгим папой?

— Я редким папой всегда был, так что сплошная безотцовщина. Но я надеюсь, что у нас с Андреем были и есть дружеские отношения. Он — моя поддержка и опора.

всегда, наедине с самим собой, завышаем собственную оценку. Поэтому нужно пытаться как-то себя трезво оценивать, видеть свои недостатки как бы со стороны. Хотя с другой стороны, я как-то работал на радио с одним актером, у него чего-то не получалось, так он все время приговаривал: “Ой, какой я бездарный!” Ну нельзя так говорить о себе! Десять раз скажешь, а на одиннадцатый действительно потеряешь часть дарования. Ведь сказал — значит, уже вылетело что-то. В то же время заниматься нарциссизмом: ух, какой я прелестный! — тоже глуповато. А наша профессия, несмотря на кажущуюся легкость и некую вольность, требует редчайшей самодисциплины и заставляет работать профессионально.

— То есть вы требовательны к близким, к друзьям, к коллегам?

Сыгранное трио творцов: режиссер (Евгений Гинзбург), актер (Николай Караченцов) и драматург (Григорий Горин).

Эскиз III. Футуристически-творческий

— Николай Петрович, Шекспир говорил: “Отрицание своего дарования — всегда ругательство таланта”. Как бы вы это прокомментировали?

— Понимаете, в чем дело, мы ведь

— К коллегам — да. Друзей можно простить, а вот на работе поблажек быть не может. Если, допустим, мы с вами репетируем определенную сцену, я буду с вами гораздо жестче, чем если бы мы сидели в беседке и я говорил бы вам комплименты. Или вот простой пример: приносят мне песню, ви-

Шоколадные секреты от **Alpen Gold**

На заметку стоматологам:

в шоколаде содержится

сильный антисептик,

приостанавливающий

развитие зубного камня.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

дя меня в качестве предполагаемого исполнителя. Так как я не певец, а актер, то пытаюсь найти форму, лучшую для выражения. Если я ее не нахожу, видя недостатки произведения, то совершенно откровенно скажу об этом авторам. Другое дело, если бы я ту же песню услышал просто исполняемой на какой-то вечеринке, за столом. Я бы, естественно, поаплодировал автору и сказал: молодец. Разные ситуации, понимаете?

— Есть ли вещи, от которых вы заряжаетесь энергией, подпитываетесь?

— Ну всем известно, что артист — это диагноз. У нас патологическая ненормальная любовь к профессии. Мы же ничего после себя не оставляем и существуем в ту секунду, когда зритель в зале, а мы на сцене. Ни в одном виде искусства нет такого живого контакта. И вот, если прилично прошел спектакль, как бы ты себя ни выхолостил, идет такая мощная компенсация, подпитка от зрителей, и это чувство, что мы в очередной раз победили.

— Удивительно, как при всей вашей популярности вам не удалось заболеть звездной болезнью?

— На эту тему есть детское дворовое выражение: чем больше понтов, тем меньше существа. По-моему, разумно очень. Ведь если человек себя сильно выпячивает, сразу понимаешь: значит, там есть чего-то не то. Тот, кто уверен, совсем по-другому себя ведет. Я, к примеру, много раз встречался с Майей Михайловной Плисецкой и ни разу не видел, чтобы она как-то высокомерно себя подавала: я — Плисецкая! Или Володя Васильев, с которым мы дружим. Лучший танцовщик в мире, а также скромн. А вот другие танцовщики, у которых значительно ниже дарование, пытались что-то другим доказать, и я это часто замечал. Да ты станцуй так, чтобы я охренел, простите за выражение. Тогда другой разговор.

Скetch IV. Импрессионистски-общечеловеческий

— Николай Петрович, в процессе разговора с вами складывается впечатление, что вы работаете практически круглосуточно и лишь иногда занимаетесь спортом, играете в теннис. Получается, что отдыхать вы не умеете?

— Почему же не умею?! Умею. Мы собираемся нашей компанией и куда-нибудь ходим.

— Компания артистическая?

— Разнообразная. Один из нас — геолог, другой — врач, третий — дипломат, четвертый — военный, пятый — ученый, шестой — дурак-артист. Вот сегодня у нас как раз традиционный сбор. К сожалению, нам

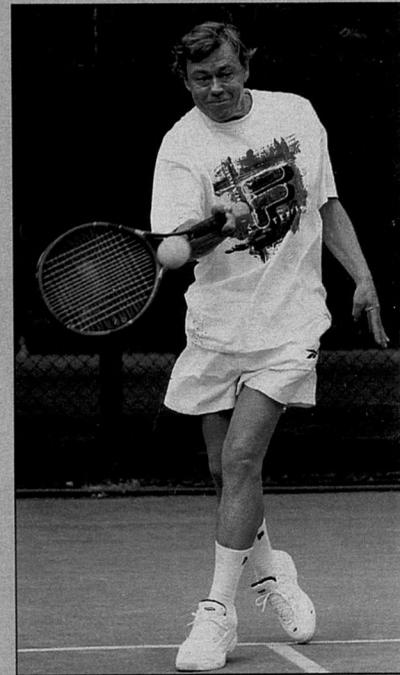
не часто удается встречаться: посидеть, выпить, поговорить, кто чем живет... Вот я знаю таких людей, которые своего одноклассника на улице не узнают. У нас все не так. Я уверен, случись что — не дай Бог, конечно, — через полчаса пять мужиков будут стоять рядом и спрашивать: "Коля, что надо?!" И это уже было. И думаю, что это очень ценно. Друзья меня всегда поддерживают, приходят на премьеры. Как-то в очередной раз изъявили желание, а я им говорю: "Пожалуйста, только учитывайте, у меня спектакль 1 января. Вы же не придете никто!" Пришли все. А по окончании второй Новый год устроили в гримерной, с пирогами.

— А в дружбу между мужчиной и женщиной верите?

— Да, конечно. Это возможно. Более того, скажу, — раньше, когда я был давным-давно юным, так складывалось, что многие женщины мне доверяли свои тайны. Видимо, с одной стороны, они знали, что я никогда не продам никого и не протреплюсь. А с другой — я, наверное, как Ленин, слушал хорошо, пытался вникать, советовал: да плюнь ты на него!.. И думаю, сейчас, если позвоню, то мне на помощь придут и женщины. И это совсем не значит, что у нас с ними плотская любовная связь.

— Если у вас случается кризис, как вы из него выходите?

— А нам ведь физиология очень помогает — организм запоминает, как

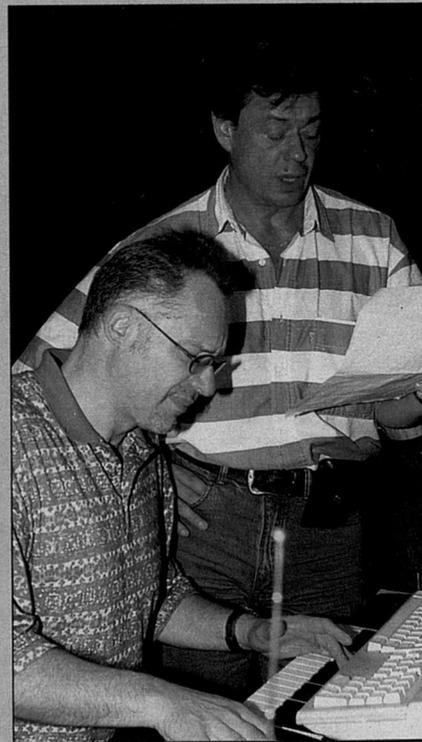

Теннис — единственная отдушина в работе.

он себя ведет в разных состояниях души. Имеет смысл, когда вам плохо, вспомнить, как вы себя чувствовали, когда вам было хорошо. И все. Сразу другая осанка, нос кверху, хвост пистолетом, глаза горят. Очень действенный метод! А сколько позитивных примеров рядом. Я недавно был в Театре на Таганке, а после спектакля зашел в кабинет Юрия Петровича Любимова. И был поражен, как роскошно он выглядит в своем возрасте. Молодой, красивый человек. Я уж не говорю о каких-то признаках маразма, об этом вообще речи не идет. Но ведь там рядом еще находился человек, которому 101 год. Борис Ефимов — народный художник Союза, карикатурист. Все эти "Крокодилы", "Анальгины" — мое детство. Оказывается, живой! Мало того, он посмотрел весь спектакль, довольно активно участвовал в банкете, а под занавес объявил, что будет рассказывать анекдоты. Я еще перед этим подумал: надо сделать вежливое лицо, ведь там наверняка будет что-то нефталинное, и вы знаете, ничего подобного. Смешные, задиристые истории.

— Николай Петрович, в заключение хочется спросить: если бы сейчас вас попросили изобразить на холсте своего сегодняшнюю жизнь, какие бы краски вы использовали?

— О, всю цветную палитру!

Нетленки могут родиться только в по-настоящему понимающем друг друга тандеме. С любимым композитором Максимом Дунаевским.